ЛМ
К 16

Как началась война.

1914

XV - № 54 (дубликат)

КАКЪ НАЧАЛАСЬ ВОЙНА.

1. Европа и Германія. 2. Заговоръ противъ европейскаго мира. 3. Первые выстрѣлы.—Германская ложь и русская правда. 4. На что разсчитывала Германія. 5. Почему Германія и Австрія покинуты всѣми. 6. Великое испытаніе народовъ.

Изданіе Т-ва И. Д. Сытина.
Москва.—1914.

КАКЪ НАЧАЛОСЬ ВОЙНА.

Изданіе Т-ва И. Д. Сытина
Москва.—1914

Л/16

Описев

КАКЪ НАЧАЛАСЬ ВОЙНА.

1. Европа и Германія. 2. Заговоръ противъ европейскаго мира. 3. Первые выстрѣлы.—Германская ложь и русская правда. 4. На что разсчитывала Германія. 5. Почему Германія и Австрія покинуты всѣми. 6. Великое испытаніе народовъ.

Изданіе Т-ва И. Д. Сытина.
Москва.—1914.

ГОСУДАРСТВ. ПУБЛИЧНАЯ
ИСТОРИЧЕСКАЯ
БИБЛИОТЕКА
547726 М

Типографія Т-ва И. Д. Сытина. Пятницкая улица, свой домъ.
МОСКВА.—1914.

I.

Европа и Германія.

Порохомъ запахло въ Европѣ уже давно. Послѣдніе годы, протекшіе со времени русско-японской войны, Европа все время находилась въ состояніи напряженнаго, часто лихорадочнаго ожиданія международныхъ осложненій, каждый разъ все болѣе грозныхъ.

Послѣ русскаго пораженія на Дальнемъ Востокѣ стало быстро разрѣшаться вѣковое англо-русское соперничество. Великобританія еще задолго до войны учла новую надвинувшуюся на нее опасность: громадный ростъ Германской имперіи. На всѣхъ рынкахъ земного шара англійскіе товары встрѣчались съ германскими, и побѣда большею частью оставалась за нѣмцами. На всѣхъ моряхъ англійскія пароходныя линіи должны были считаться съ постоянно усиливавшейся германской конкуренціей. Даже въ военномъ владычествѣ надъ морями Англія уже только съ большимъ напряженіемъ удерживала свое первенство вслѣдствіе систематическаго усиленія германскаго флота.

При посредствѣ Франціи, уже въ 1903 году разрѣшившей рядомъ полюбовныхъ соглашеній свои счеты съ Англіей въ нѣкоторыхъ частяхъ Африки, великобританское правительство заключило рядъ такихъ же полюбовныхъ соглашеній и съ Россіей по спорнымъ азіатскимъ дѣламъ: въ Персіи, на Памирахъ, въ Тибетѣ и т. д.

Англо-франко-русское соглашеніе вскорѣ отразилось на общемъ ходѣ европейской политики. Государственные дѣятели державъ тройственнаго согласія начали подготовлять рядъ мѣръ къ тому, чтобы ограничить военно-политическое давленіе со стороны Германіи, давно отяготѣвшее надъ Европой. Германская тиранія налагала на европейскія державы непереносное ярмо принудительнаго милитаризма. Каждое усиленіе германской арміи или флота должно было неизбѣжно вести за собой такое же усиленіе военной обороны и другихъ державъ. Всѣ попытки ограничить ростъ вооруженій разбивались объ упорное противодѣйствіе Германіи. По ея винѣ не имѣла успѣха первая Гаагская конференція, созванная по великодушному почину Государя Императора Николая II. Неоднократныя попытки англійскаго правительства сократить разорительное военно-морское строительство путемъ соглашенія съ Германіей о пріостановкѣ или сокращеніи морскихъ вооруженій не имѣли никакого осязательнаго результата. Наконецъ, Германія систематически противилась объявленію вѣчнаго нейтралитета тѣхъ небольшихъ государствъ Европы, на которыя простирались ея вожделѣнія. Такъ, напримѣръ, не удалось установить нейтралитета Даніи.

Шесть лѣтъ тому назадъ покойный англійскій король Эдуардъ VII взялъ на себя громадную работу мирнаго ограниченія германской гегемоніи. Онъ надѣялся добиться этого, создавъ рядъ соглашеній, которыя привели бы къ возможно полной изоляціи Германіи; оставшись въ одиночествѣ, она и ея союзница Австрія должны были бы, надѣялся король, склониться передъ волей Европы.

Такое «окруженіе» Германіи было уже въ значительной степени достигнуто, когда грянула турецкая революція и снова во всей своей остротѣ вскрылся восточ-

ный вопросъ. Пока въ Европѣ еще вѣрили въ способность младотурокъ возродить Турцію, Австрія поспѣшила закрѣпить за собой временно довѣренную ей Европой часть оттоманской имперіи, сербскія земли: Боснію и Герцеговину. Эти области формально оставались подъ верховной властью султана. Всѣмъ памятно, какъ беззастѣнчиво Австрія нарушила тогда европейскую солидарность. Юридическое положеніе Босніи и Герцеговины было закрѣплено берлинскимъ трактатомъ и не могло быть измѣнено безъ согласія всѣхъ подписавшихъ этотъ договоръ державъ. По берлинскому трактату занятіе Австріей Босніи и Герцеговины было только временнымъ, и сербскій народъ никогда не отказывался отъ надежды соединенія воедино сербскихъ земель. Полное присоединеніе Босніи и Герцеговины къ Австро-Венгріи разрушало надежды сербовъ. Кромѣ того, австрійское правительство выказало явное стремленіе къ экономическому порабощенію Сербіи, отказавшись дать королевству вознагражденіе въ видѣ выхода къ морю. Уже тогда Россія рѣзко выступила противъ Австріи и, если намъ не удалось тогда отстоять своей позиціи, то лишь вслѣдствіе лицемѣрной и уклончивой берлинской политики, до послѣдняго момента дававшей намъ надежду на мирное посредничество Германіи, а затѣмъ неожиданно выступившей противъ насъ съ угрозой войны.

Это было въ 1909 году. Съ тѣхъ поръ увѣренность въ прочности европейскаго мира поколебалась у всѣхъ наблюдательныхъ людей. Образъ дѣйствій Германіи и Австріи становился все болѣе вызывающимъ. Едва не возникло войны изъ-за германскихъ притязаній на область французскаго вліянія въ Марокко. Кто не помнитъ страшной тревоги, охватившей всю Европу послѣ созданнаго Германіей такъ называемаго «агадирскаго

инцидента». Съ большимъ трудомъ удалось ограничить районъ турецко-итальянской войны. Наконецъ, австро-германскія интриги привели къ разрушенію созданнаго Россіей балканскаго союза и вызвали братоубійственную и пагубную вторую балканскую войну.

Но всѣ треволненія, пережитыя Европой до 1914 года, были лишь предвѣстниками надвигавшейся грозы, неизбѣжная близость которой ясно почувствовалась только минувшей зимой.

Для освѣдомленныхъ людей стала вырисовываться близкая опасность такъ называемой предупредительной войны. Именно за послѣдніе мѣсяцы державы тройственнаго согласія подготовили рядъ соглашеній и приняли нѣкоторыя энергичныя мѣры, чтобы въ возможно близкомъ будущемъ противопоставить тираническимъ стремленіямъ Германіи такую грозную силу, которая надолго, если не навсегда, лишила бы ее надежды на успѣхъ въ вооруженной борьбѣ, а, слѣдовательно, заставила бы отказаться отъ гнетущаго давленія на международную жизнь Европы.

Съ другой стороны близился срокъ окончанія русско-германскаго торговаго договора, заключеннаго нами во время войны,—договора, крайне выгоднаго для Германіи и разорительнаго для насъ, такъ какъ правительство императора Вильгельма безъ всякаго стѣсненія широко воспользовалось тогда нашими внѣшними и внутренними затрудненіями.

Приблизительно мѣсяцевъ шесть тому назадъ германская печать начала неистовую травлю противъ Россіи, ей вторила и нѣмецкая печать Австріи. Очевидно, изъ Берлина былъ данъ соотвѣтствующій приказъ.

II.

Заговоръ противъ европейскаго мира.

Весной этого года императоръ Вильгельмъ поѣхалъ въ гости къ наслѣднику австрійскаго престола эрцгерцогу Францу-Фердинанду д'Эсте въ его охотничій замокъ Конопишты. Въ Конопиштахъ не такъ уже много охотились, а больше бесѣдовали. Вѣрнѣе, подготовляли иного рода охоту, кровавую, человѣкоубійственную травлю цѣлой расы—славянства. Какъ теперь дознано, въ Конопиштахъ германскій императоръ и будущій монархъ Австріи рѣшили вопросъ о войнѣ. Не вполнѣ увѣренные въ готовности Италіи поддержать своихъ союзниковъ при всякихъ обстоятельствахъ, они задумали такой планъ начала войны, при которомъ не имъ пришлось бы открыть военныя дѣйствія противъ державъ тройственнаго согласія, а Россія была бы вынуждена сама объявить войну. По союзному договору съ Италіей, это наложило бы на нее обязанность выступить въ защиту Германіи и Австріи.

Съ этой цѣлью рѣшено было начать усиленную травлю противъ австрійскихъ славянъ, а также противъ Сербіи. Въ свое время будетъ документально доказано, что усилившееся гоненіе на русскихъ въ Галиціи, на хорватовъ, на боснійскихъ сербовъ и на чеховъ стояло въ прямой связи съ этимъ провокаціоннымъ планомъ. Почти невозможно предположить, что сыгравшее такую роковую роль убійство австрійскаго престолонаслѣдника было не случайнымъ преступленіемъ двухъ-трехъ безумцевъ. Однако, сербское правительство утверждаетъ, что оружіе и деньги были даны убійцѣ офицеромъ австрійской службы Малобабичемъ.

Какъ бы то ни было, трагическая гибель одного изъ участниковъ конопиштскаго заговора противъ мира и благосостоянія Европы была энергично и беззастѣнчиво использована другимъ заговорщикомъ, императоромъ Вильгельмомъ.

Нельзя, конечно, сомнѣваться, что Австрія никогда не рискнула бы проявить безъ согласія и одобренія Германіи такую непримиримую воинственность, съ какой она подготовила разбойный набѣгъ на Сербію. Дня черезъ два послѣ убійства эрцгерцога стало извѣстно, что вѣнскіе руководящіе круги открыто обвиняютъ сербское правительство въ попустительствѣ, даже въ пособничествѣ, даже въ соучастіи въ кровавомъ сараевскомъ дѣлѣ. Вся нѣмецкая печать съ подозрительнымъ единодушіемъ стала требовать, чтобы это обвиненіе было «безпристрастно» разслѣдовано, т.-е. чтобы слѣдствіе было распространено на Сербію и произведено тамъ не сербскими властями, а австрійскими чиновниками. Иначе говоря, гибель эрцгерцога была немедленно использована съ цѣлью потребовать отъ Сербіи такого страшнаго униженія ея государственнаго достоинства, на которое она никогда бы не могла согласиться и котораго не допустила бы Россія. Нѣкоторое время могли еще оставаться сомнѣнія въ рѣшимости Австріи пойти на такой шагъ. Было, очевидно, что между воинствующими политиками, главой которыхъ былъ покойный эрцгерцогъ, и умѣренной партіей, объединившейся вокругъ престарѣлаго императора, завязалась борьба. Борьба эта кончилась въ пользу рьяныхъ враговъ славянства и поклонниковъ германскаго монарха. Вильгельмъ германскій оказался въ Австро-Венгріи болѣе вліятельнымъ, чѣмъ Францъ-Іосифъ австрійскій.

10 іюля австрійскій посланникъ въ Бѣлградѣ баронъ Гизель передалъ сербскому правительству ультиматумъ

Австріи, поставивъ срокомъ для безусловнаго принятія австрійскихъ требованій 48 часовъ. Австрія потребовала, чтобы сербское правительство опубликовало осужденіе великосербской агитаціи и признало при этомъ, что въ пропагандѣ участвовали сербскіе офицеры и чиновники; чтобы, кромѣ того, Сербія обязалась принимать самыя рѣшительныя карательныя мѣры противъ великосербской пропаганды въ печати, противъ великосербскихъ организацій, чтобы она удалила со службы офицеровъ и чиновниковъ, замѣшанныхъ въ этой агитаціи, и притомъ именно тѣхъ, кого укажетъ Австрія; въ частности по сараевскому дѣлу Австрія требовала допущенія австрійскихъ чиновниковъ къ слѣдственнымъ дѣйствіямъ на сербской территоріи, ареста двухъ чиновниковъ, соучастіе которыхъ было будто бы доказано австрійскими слѣдственными властями, увольненія чиновъ пограничной стражи, якобы содѣйствовавшихъ переѣзду въ Австрію убійцъ, и наконецъ, наказанія тѣхъ высшихъ сербскихъ чиновъ, которые враждебно отозвались объ австрійскомъ правительствѣ въ бесѣдахъ съ журналистами по поводу сараевскаго событія.

Державамъ Австрія сообщила объ этомъ шагѣ только на слѣдующее утро. Россія немедленно приняла мѣры, чтобы обезпечить мирное разрѣшеніе конфликта. Въ тотъ же день нашъ министръ иностранныхъ дѣлъ предложилъ Австріи продлить данный Сербіи срокъ. И въ тотъ же день стало ясно, что за спиной Австріи скрывается Германія, что австрійскія выступленія мѣтятъ значительно дальше Сербіи. Вся берлинская печать отнеслась одобрительно къ рѣшительному шагу Австріи. 12 іюля русское правительство сочло необходимымъ дать понять въ Вѣнѣ и въ Берлинѣ, что оно ясно понимаетъ истинный смыслъ австрійскаго выступленія и его дѣйствительную цѣль, понимаетъ и готово къ рѣ-

шительному отпору. 12 іюля было опубликовано слѣдующее правительственное сообщеніе: «Правительство весьма озабочено наступившими событіями и посылкой Австро-Венгріей ультиматума Сербіи. Правительство зорко слѣдитъ за развитіемъ сербско-австрійскаго столкновенія, къ которому Россія не можетъ оставаться равнодушной».

III.

Первые выстрѣлы.

Русская правда и германская ложь.

12 іюля германское правительство солгало предъ лицомъ всего міра. Оно заявило въ Парижѣ, въ Лондонѣ и въ Петербургѣ, что не было освѣдомлено о содержаніи австрійской ноты. Въ то же время германскій посолъ въ Парижѣ не двусмысленно угрожалъ Франціи, если она будетъ поддерживать Россію въ ея заступничествѣ за Сербію противъ Австріи.

Рѣшительное заявленіе русскаго правительства смутило вѣнскихъ политиковъ. Какъ теперь извѣстно, германскій посолъ въ Вѣнѣ увѣрялъ австрійскихъ государственныхъ дѣятелей, что Россія не рѣшится итти до конца, и можно будетъ безнаказанно разгромить Сербію, подорвать одновременно русскій авторитетъ среди западнаго славянства и, наконецъ, упрочить этимъ путемъ престижъ австрійскаго правительства среди его собственныхъ славянскихъ подданныхъ.

Очень немногіе, повидимому, знали, что въ Берлинѣ рѣшено уже было вынудить Россію на военныя дѣйствія.

Русское правительство дѣлало все, что могло, для сохраненія мира. По его почину Франція, Англія и Италія выступили съ предложеніемъ посредничества. По его совѣту Сербія отвѣтила Австріи съ крайней умѣренностью, сдѣлавъ всѣ уступки австрійскимъ требованіямъ въ предѣлахъ, допустимыхъ для самостоятельнаго государства. Но все было напрасно.

Уже 12 іюля вечеромъ баронъ Гизль, австрійскій посланникъ въ Бѣлградѣ, увѣдомилъ сербское правительство, что, не получивъ въ указанный срокъ удовлетворительнаго отвѣта, покидаетъ Сербію. 12 іюля Австрія объявила мобилизацію.

Германское правительство старалось ложью и лицемѣрными увѣреніями въ своемъ миролюбіи выиграть время, нужное ей, какъ впослѣдствіи оказалось, для того, чтобы ускоренными военными приготовленіями опередить насъ. Но сами же германцы неосторожно приподнимали личину, скрывавшую истинныя намѣренія императора Вильгельма. Послѣ полученія извѣстія объ австрійской мобилизаціи, въ Берлинѣ начались при полномъ попустительствѣ властей враждебныя Россіи демонстраціи. Германская печать намѣренно сократила и исказила текстъ сербскаго отвѣта, чтобы обмануть общественное мнѣніе и усилить въ народѣ враждебныя чувства къ Сербіи и Россіи. Дѣйствуя въ томъ же лицемѣрно лживомъ стилѣ, германскій посолъ въ Петербургѣ запрашивалъ наше правительство, не удовлетворится ли оно обѣщаніями Австріи только «наказать» Сербію, не нарушая ея цѣлостности. Нашъ министръ иностранныхъ дѣлъ, ясно видя германскую игру, отвѣтилъ, что если Россія приступаетъ къ мобилизаціи своихъ

войскъ, то лишь въ виду угрожающаго положенія, занятаго Австріей. Пусть Австрія заявитъ объ отказѣ отъ требованій, непримиримыхъ съ самостоятельностью Сербіи, и Россія прекратитъ военныя приготовленія.

Весьма характерный эпизодъ произошелъ въ тотъ же день въ Берлинѣ. Въ часъ дня всѣ газеты выпустили экстренные листки съ извѣстіемъ объ объявленіи въ Германіи всеобщей мобилизаціи. Вскорѣ листки были конфискованы. Очевидно, извѣстіе, правильное по существу, было офиціально сообщено газетамъ, а затѣмъ почему-то сочтено преждевременнымъ.

Такъ шли переговоры, исполненные со стороны Россіи искренняго желанія сохранить миръ, но миръ честный и не унизительный, а со стороны Германіи полные неискренности и полускрытой враждебности. Между тѣмъ уже 15-го іюля Австрія объявила полную мобилизацію и открыла военныя дѣйствія противъ Сербіи.

Россія, вѣрная своему рѣшительному слову, объявила о мобилизаціи кіевскаго, одесскаго, московскаго и казанскаго военныхъ округовъ, не прекращая въ то же время усилій спасти и въ послѣднюю минуту европейскій миръ.

Дѣло шло къ развязкѣ. 18 іюля германское правительство предъявило намъ дерзкое требованіе: къ 12 часамъ 19 іюля пріостановить военныя мѣры. Это — въ то время, какъ уже три дня австрійскія орудія обстрѣливали столицу Сербіи!

Не получивъ отвѣта, 19 іюля германскій посолъ гр. Пурталесъ передалъ нашему министру иностранныхъ дѣлъ объявленіе войны.

IV.

На что разсчитывала Германія.

Объявляя намъ войну, Германія разсчитывала на легкую и скорую побѣду.

Да, это такъ! Только теперь стало видно, до какихъ размѣровъ доходило высокомѣрное и горделивое самообольщеніе германцевъ.

Ихъ планъ войны заключался въ слѣдующемъ:

Война объявляется одновременно Россіи и Франціи.

Можно попытаться запугать Францію (попытки, дѣйствительно, дѣлались); но твердо разсчитывать на это нельзя и нѣтъ надобности. Первый ударъ долженъ быть направленъ именно на Францію. А послѣ ея разгрома («черезъ двѣ недѣли послѣ объявленія мобилизаціи»!) всѣ силы можно будетъ обратить противъ Россіи и закончить войну «побѣдой въ генеральномъ сраженіи» недѣли черезъ четыре послѣ открытія военныхъ дѣйствій. Итого — въ одинъ мѣсяцъ Германія разсчитывала стать полной владычицей Европы!

Этотъ планъ опирался, прежде всего, на союзъ съ Италіей. Предполагалось, что Италія двинетъ всю свою армію на юго-восточную границу Франціи и заставитъ французовъ отвлечь туда почти половину своей арміи. Италіи за эту услугу готовились отдать Ниццу, Тунисъ и т. д., вообще широко вознаградить ее за счетъ Франціи. При такомъ положеніи сѣверо-восточная граница Франціи была бы защищена сравнительно малочисленной арміей, которая опиралась бы на крѣпости, построенныя на границѣ Эльзаса и Лотарингіи. Германцы разсчитывали быстро обойти французскія позиціи съ фланговъ: черезъ Бельгію и Голландію съ

сѣвера и Швейцарію — южнѣе крѣпостей. Такъ что французская армія очутилась бы вскорѣ въ желѣзномъ кольцѣ и ей грозилъ бы почти неизбѣжный новый Седанъ.

Въ Берлинѣ были твердо убѣждены, что страхъ, внушаемый германской мощью, настолько непреодолимъ, что такія слабыя государства, какъ Бельгія, Голландія и Швейцарія, покорно склонятся передъ велѣніями императора Вильгельма.

Еще тверже были увѣрены, что война съ Сербіей не представитъ никакихъ особенныхъ трудностей для Австріи, такъ какъ королевство очутится между двухъ огней: Болгарія, горящая жаждой отмщенія за свой разгромъ во вторую балканскую войну, бросится на Сербію и сразу займетъ ея новыя македонскія земли. Разсчитывали и на содѣйствіе Турціи, которая теперь тѣсно связана съ Германіей недальновидной политикой Энвера-паши и его политическихъ единомышленниковъ. Вѣрили, что и Румынія не откажетъ въ поддержкѣ, несмотря на недавнее сближеніе съ Россіей; король Карлъ — близкій родственникъ императора Вильгельма, и въ странѣ еще очень сильна дружественная Германіи консервативная партія.

Далѣе, берлинскіе политики ни минуты не сомнѣлись, что въ войнѣ съ Россіей Германія будетъ имѣть цѣннаго союзника въ Швеціи. Еще такъ недавно вся Швеція была охвачена враждебнымъ Россіи возбужденіемъ, подъ вліяніемъ систематической агитаціи друзей Германіи съ знаменитымъ Свеномъ Гединомъ во главѣ. Всего полгода тому назадъ Швеція приступила къ усиленію своей арміи, направленному, несомнѣнно, противъ Россіи. Въ русско-нѣмецкой борьбѣ задачей Швеціи былъ бы походъ на нашу столицу съ сѣвера.

Затѣмъ—и это, можетъ-быть, самое существенное—въ Берлинѣ твердо надѣялись на возможность сохраненія Англіей нейтралитета. Германское правительство заранѣе приняло мѣры, чтобы создать во всемогущемъ англійскомъ общественномъ мнѣніи теченіе, враждебное всякому вооруженному вмѣшательству въ континентальную войну. Все было пущено въ ходъ для этого: и пріобрѣтеніе газетъ, и подпольная работа агитаторовъ, и закулисныя связи съ вліятельными политическими и финансовыми дѣятелями.

Наконецъ, у германскихъ «завоевателей» былъ еще одинъ твердый и опредѣленный расчетъ: на внутреннюю смуту въ Россіи. Германцы были убѣждены, что національнаго чувства къ Россіи не проявится, что рознь между правящими и управляемыми обострится и внутренняя неурядица подорветъ военную мощь Россіи. И тогда нетрудно будетъ, набросившись на насъ съ тучей союзниковъ, «покончить войну однимъ генеральнымъ сраженіемъ».

V.

Почему Германія и Австрія покинуты всѣми.

Но Германія строила свои расчеты только на вѣрѣ въ силу своего оружія, только на страхъ Европы передъ ея мощью.

Разочарованіе было близко. И, можетъ-быть, исторія не знаетъ примѣра такого жестокаго, такого полнаго разочарованія.

Въ 1908 году императоръ Вильгельмъ, раздраженный политикой Эдуарда VII, сказалъ какъ-то офицерамъ: «Германецъ никогда такъ хорошо не деретъся, какъ

тогда, когда онъ стоитъ одинъ противъ многихъ враговъ». Но это была только громкая и кичливая фраза. Разсчитывалъ императоръ пойти на Россію и Францію съ многочисленнымъ сонмомъ союзниковъ. На дѣлѣ же его слова оказались пророческими. Вопросъ только, такъ ли любитъ германецъ бороться противъ многихъ враговъ...

Прежде всего выяснилось, что Франція не поддалась на запугиванія. Извѣстіе о войнѣ съ Германіей было встрѣчено французами съ неподдающимся описанію энтузіазмомъ. Мобилизація началась въ полномъ порядкѣ и съ небывалымъ успѣхомъ. Но этого германцы отчасти ожидали.

Полной неожиданностью для нихъ оказалось отношеніе русскаго общества и русскаго народа къ войнѣ. Первыя же сообщенія о рѣшительномъ заступничествѣ нашего правительства за Сербію вызвали восторженное одобреніе и встрѣтили ту несокрушимую поддержку, которую всегда даетъ власти единомышленный народъ. Событія развивались съ головокружительной быстротой и, не отставая отъ нихъ, развивалось и единеніе народа съ правительствомъ. Близость войны, сознаніе правоты защищаемаго нами дѣла, увѣренность въ чистотѣ нашихъ побужденій сплотили всѣ слои народа, всѣ классы общества, всѣ племена и народности Россіи въ единое цѣлое, преданное своему Державному Вождю и готовое пожертвовать жизнью и достояніемъ на защиту родины и ея мірового положенія. Какъ по чудесному мановенію прекратились распри, забыты были самыя острыя разногласія, исчезли всѣ проявленія розни. Въ то время, какъ на берлинскихъ улицахъ газетные разносчики выкрикивали: «возстаніе въ Варшавѣ, бунтъ въ Баку» и т. п., у насъ прекратились даже экономическія забастовки и по улицамъ большихъ и малыхъ

городовъ двигались громадныя толпы съ воодушевленнымъ пѣніемъ народнаго гимна. Вся Россія слилась въ одно чувство, въ одну волю, въ одно недѣлимое, несокрушимое національное цѣлое. Коварный расчетъ Германіи рухнулъ.

Второй серьезный ударъ ждалъ ее изъ Рима. Въ Италіи яркимъ пламенемъ вспыхнула застарѣлая вражда противъ Австріи, десятки лѣтъ угнетавшей итальянцевъ на ихъ собственной землѣ и теперь еще держащей подъ своей недоброй властью итальянскія области: Тріестъ, Фіумэ, южный Тироль и т. д. Не въ сторону Туниса, а въ сторону итальянскихъ земель Австріи обратились взоры итальянцевъ. Въ громадной борьбѣ, завязавшейся между германскимъ и славянскимъ міромъ, сочувствіе Италіи оказалось не на сторонѣ поработителей и угнетателей итальянскаго народа; ради нихъ Италія не захотѣла схватиться въ братоубійственномъ боѣ съ своей латинской сестрой, Франціей. Нейтралитетъ, объявленный Италіей, опрокинулъ половину германскихъ стратегическихъ расчетовъ. Франція получила совершенно неожиданную свободу дѣйствій.

Это такъ встревожило нѣмецкихъ монарховъ, что они нѣсколько дней дивили міръ почти смѣшной попыткой заставить Италію выйти изъ нейтральнаго положенія. Австрія, не объявляя Россіи войны, усиленно бомбардировала Бѣлградъ, двигала войска къ нашей границѣ, — словомъ, всячески вызывала насъ на военныя дѣйствія, чтобы, сославшись на то, что мы на нее напали, потребовать отъ Италіи исполненія союзнаго договора. Но Италія категорически заявила, что считаетъ Германію и Австрію зачинщицами войны и изъ нейтралитета не выйдетъ. Тогда Австрія сбросила маску и 24 іюля объявила намъ войну.

ГОСУДАРСТВ. ПУБЛИЧНАЯ ИСТОРИЧЕСКАЯ БИБЛИОТЕКА

Третьимъ серьезнымъ разочарованіемъ, постигшимъ Германію, было энергичное сопротивленіе, неожиданно встрѣченное ея войсками въ Бельгіи. Немедленно по объявленіи войны, германская армія, занявъ Люксембургъ, вторглась въ предѣлы Бельгіи. Бельгійскій король, невзирая на неравенство силъ, отвѣтилъ объявленіемъ войны на это наглое нарушеніе международныхъ договоровъ, обезпечивающихъ Бельгіи вѣчный нейтралитетъ. Германцы были увѣрены, что Бельгія не осмѣлится оказать имъ сопротивленіе; даже солдатамъ было внушено, что они свободно пройдутъ черезъ Бельгію. Тѣмъ внушительнѣй былъ для нихъ этотъ неожиданный отпоръ. Въ первую минуту въ Берлинѣ отнеслись къ бельгійскому ультиматуму почти презрительно. Что можетъ сдѣлать ничтожная 200-тысячная бельгійская армія противъ «непобѣдимыхъ» германскихъ полчищъ! Но вскорѣ же пришлось горькимъ опытомъ узнать, что не въ силѣ Богъ, а въ правдѣ. Небольшой бельгійскій отрядъ защищавшій крѣпость Льежъ, оказалъ нѣмцамъ такое упорное и успѣшное сопротивленіе, что, помимо громадныхъ потерь людьми, германская армія потеряла время, самое драгоцѣнное, самое дорогое время. И вызвала на бой новаго мощнаго врага.

Вторженіемъ въ Бельгію Германія сама разрѣшила одинъ изъ важнѣйшихъ вопросовъ положенія: приметъ ли Англія участіе въ войнѣ, или сохранитъ нейтралитетъ. Въ Англіи сразу учли серьезную опасность, которая грозила бы островному королевству, если бы Германія утвердилась на бельгійскомъ побережьѣ, въ непосредственномъ почти сосѣдствѣ съ нимъ. И Германіи былъ предъявленъ ультиматумъ: война или немедленное очищеніе Бельгіи. Нѣмцы не могли отказаться отъ обхода французской арміи и должны были принять вызовъ новаго грознаго противника.

Вмѣшательство Англіи — страшный ударъ. Результаты его, возможные, почти неизбѣжные—блокада всего германскаго побережья, т.-е. прекращеніе морскихъ сообщеній, голодъ хлѣбный и угольный, разгромъ германской морской торговли и захватъ заокеанскихъ колоній. Крушеніе всего грандіознаго мірового торговаго могущества Германіи. И, кормѣ того, громадное усиленіе ея враговъ всей морской мощью Англіи и ея доблестной арміей.

Между тѣмъ героическое сопротивленіе бельгійцевъ лишило Германію и тѣхъ выгодъ, ради которыхъ она пошла на войну съ Англіей. Пока войска генерала фонъ-Эммиха дрались подъ Льежемъ, французы успѣли двинуть въ Бельгію большую армію и англичане высадили десантъ. Франко-англо-бельгійская армія, соединившись, заставляетъ германцевъ, вмѣсто обходнаго движенія, принять рѣшающій бой. Иниціатива вырвана у нихъ изъ рукъ.

Не оправдался расчетъ и на застращиваніе Швейцаріи. Мужественные горцы стали стѣной на неприступныхъ границахъ своей страны, чтобы силой остановить дерзкое вторженіе германскихъ войскъ.

Прикрытые теперь съ фланговъ французы сами перешли въ наступленіе, и въ тотъ день мобилизаціи, когда, по германскимъ расчетамъ, они должны были быть разбиты, французскія войска вошли въ восторженно встрѣтившій ихъ Эльзасъ.

Не оправдались германскіе расчеты и на Балканахъ.

Болгарское правительство, очень склонное, можетъ-быть, свести даже въ тяжелый для славянства часъ счеты съ Сербіей, принуждено считаться съ повелительной волей народа, молящагося во всѣхъ церквахъ за дарованіе побѣды русскому оружію, освободившему

нѣкогда болгаръ и создавшему современную Болгарію.

Румынскій народъ также горячо сочувствуетъ Россіи. И трудно было бы правительству дать другое направленіе его желаніямъ и чувствамъ, когда дѣйствительныя вожделѣнія румынъ устремлены теперь на заселенную ихъ родичами Трансильванію, которой Румынія можетъ овладѣть или теперь, или никогда.

И Швеція не оправдала германскихъ надеждъ. Величественное зрѣлище поднявшейся противъ германскаго засилія Европы заставило отрезвиться и замолкнуть шведскихъ друзей Германіи. Дважды повторенное рѣзкое требованіе Вильгельма нарушить нейтралитетъ въ пользу Германіи вызвало въ Швеціи глубокое негодованіе, и на шведскія войска нѣмцамъ разсчитывать уже не приходится.

Два государства только не обманули германскихъ расчетовъ: Голландія и Турція. Голландія изъ понятнаго страха передъ германскимъ колоссомъ, Турція по странному ослѣпленію ея руководителей.

Но Голландіи дано было понять, что ея неспособность защищать свой нейтралитетъ будетъ впослѣдствіи учтена, и она двинула войска на германскую границу. А Турціи Англія заявила, что въ случаѣ несоблюденія нейтралитета, ей не сдобровать. Вмѣшательство Турціи во всякомъ случаѣ принесетъ ей самой во много разъ болѣе вреда, чѣмъ пользы Германіи.

Послѣднимъ аккордомъ начала войны были вторженіе сербовъ и черногорцевъ въ австрійскіе предѣлы и бомбардировка австрійскимъ флотомъ черногорскаго побережья, за чѣмъ послѣдовалъ рѣзкій протестъ Италіи.

Движеніе австрійскихъ полковъ къ французской границѣ вызвало объявленіе войны ей со стороны Франціи и Англіи.

Такъ пожаръ, зажженный Германіей, сразу охватилъ почти всю Европу, и она осталась со своей союзницей въ заклятомъ одиночествѣ, въ желѣзномъ кольцѣ народовъ, поднявшихся противъ ея насильническаго, разорявшаго ихъ гнета.

VI.

Великое испытаніе народовъ.

Сколько десятилѣтій миръ въ Европѣ казался ненарушимымъ! Сколько поколѣній выросло — въ странахъ Западной Европы — не вѣдая бѣдствій и ужасовъ войны и, съ другой стороны, не зная высокихъ чувствъ, охватывающихъ каждаго честнаго гражданина въ дни военной грозы. Только послѣдніе годы нарушили это спокойствіе и дали нѣкоторымъ народамъ Европы военный опытъ. Сквозь горнило военной страды прошли Россія, Италія и народы балканскаго полуострова; Франція послала немало своихъ сыновъ побѣждать и умирать за родину въ знойныя африканскія области.

Внѣ военнаго опыта, внѣ огненнаго, боевого испытанія народной доблести и народной стойкости остались обѣ нѣмецкихъ монархіи.

Теперь пришелъ для всѣхъ часъ испытанія. Германскій императоръ потрясъ сооруженное сорокалѣтней работой сотенъ милліоновъ людей величавое зданіе мирной современной культуры. И въ грохотѣ пушекъ всѣмъ, имѣющимъ уши, чтобы слышать, ясно прозвучалъ подозрительный шорохъ и скрипъ — предвѣстникъ разрушенія и паденія. Рушится экономическое благосостояніе, рушится мирная работа. Великія испытанія предстоятъ вышедшимъ на борьбу народамъ.

Какъ истинная человѣческая цѣнность каждаго изъ насъ познается въ роковые дни большихъ бѣдъ, нечаянныхъ напастей и горестей, такъ и народы вскрываютъ свою душу, показываютъ настоящую свою цѣнность лишь въ дни великихъ потрясеній.

И вотъ свершилось. Истина обнаружилась.

Всѣ современники наши засвидѣтельствуютъ и потомки будутъ вѣчно помнить, какъ въ роковой 1914 годъ открылась въ Европѣ истина о германскомъ народѣ и о народѣ русскомъ.

Сколько лѣтъ, сколько десятилѣтій востокъ Европы, наша страна, пролегшая громадной величиной своей на полъ-Европы и на треть Азіи, считалась западными сосѣдями своими за край невѣжества и варварства. Темнымъ, дикимъ и пьянымъ считали народъ нашъ.

И въ то же время чѣмъ только и какъ только ни кичилась германская раса. Слушая кичливое самохвальство германцевъ, можно было подумать, что въ нихъ возродился царственный римскій народъ, первый народъ среди народовъ міра. Кичились германцы и силой своей и умомъ. Кичились своей образованностью и трудолюбіемъ. Кичились «германской вѣрностью» и «германской честью». Кичились трезвостью умственной и трезвостью физической. И болѣе всего кичились всѣми этими добродѣтелями и талантами передъ славянскими племенами, передъ Россіей.

И вотъ грянула война.

Нашъ «пьяный» народъ не только безъ малѣйшаго ропота, но какъ должное,—больше: какъ непремѣнно нужное, какъ жданное и желанное, — принялъ повелѣніе правительства о прекращеніи торговли виномъ. Въ великій часъ очищаютъ душу. Съ трезвой мыслью, съ чистой душой идутъ на великое дѣло. Повелѣніе правительства совпало съ велѣніемъ народной совѣсти. И

въ одинъ день, въ одинъ часъ «пьяный» народъ сталъ народомъ-трезвенникомъ. Великій Богъ земли русской!

Нашъ «темный», «невѣжественный» народъ сразу, больше сердцемъ, чѣмъ умомъ, больше совѣстью, чѣмъ сознаніемъ, понялъ, что Царь зоветъ его на великую и священную работу, на войну за общую свободу народовъ отъ глушащаго и давящаго вольную жизнь ихъ германскаго гнета. Никогда, говорятъ всѣ знающіе люди и въ томъ числѣ люди холодные, не склонные къ увлеченію и къ преувеличенію, никогда такъ не проходилъ призывъ запасныхъ. Людей являлось больше, чѣмъ ждали. Семьи призванныхъ провожали ихъ съ полнымъ сознаніемъ святости и важности боевой работы, къ которой призываются ихъ отцы, братья и сыновья. Вдумчиво, серьезно и спокойно пошелъ русскій народъ на эту войну. А за ушедшими міромъ поднялась русская земля на заботу о своихъ защитникахъ, на помощь оставленнымъ ими семьямъ.

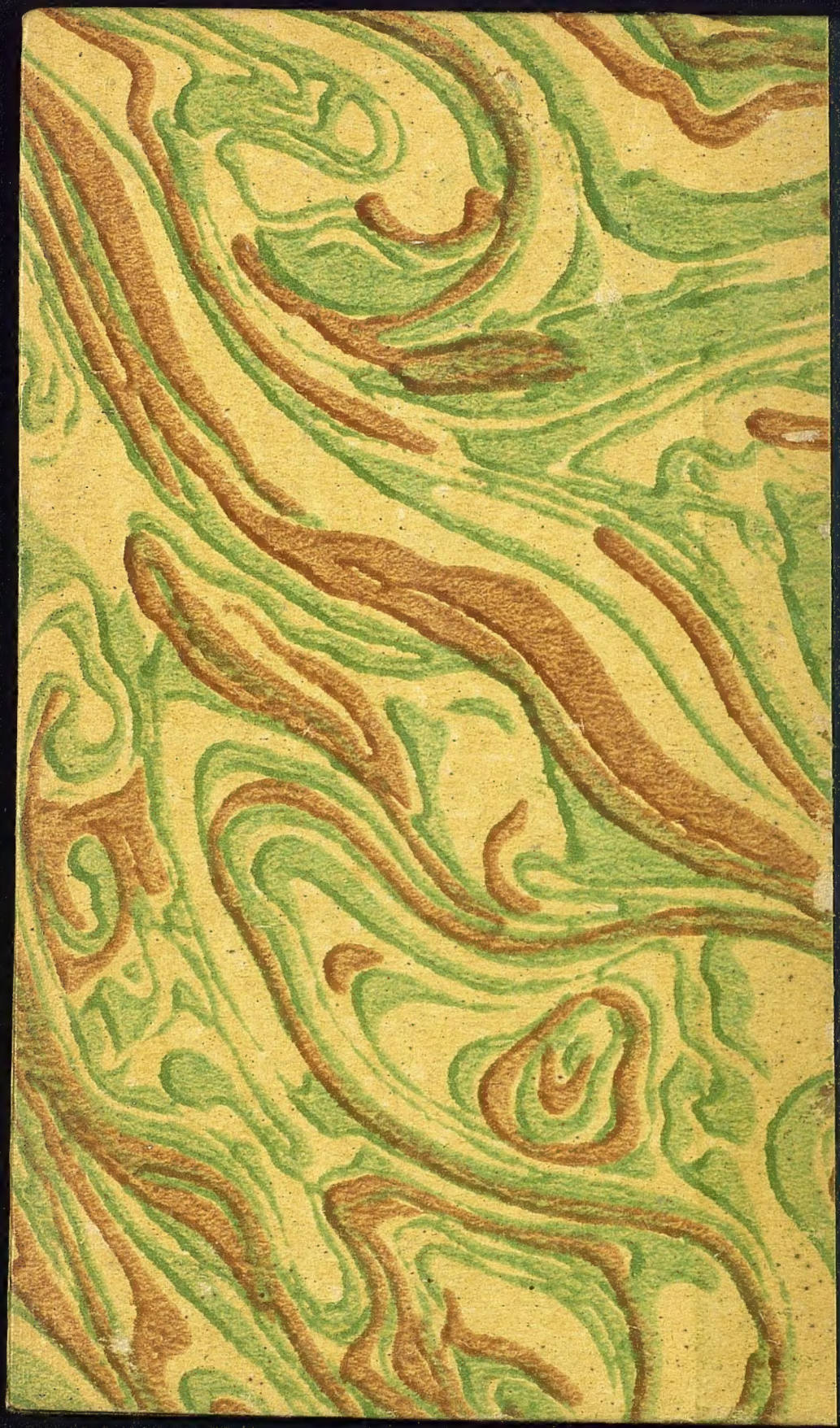
Нашъ «дикій» народъ, отправляя на войну милліоны своихъ сыновъ, отдавая на военное дѣло свое достояніе, терпя часто лишенія и тяготы, въ то же время далекъ отъ ненависти къ оставшимся среди насъ подданнымъ воюющихъ съ нами державъ. Онъ видитъ въ нихъ только людей, а не враговъ, пока они сами не держатся, какъ враги. Ни оскорбленій ни открытой враждебности германскіе и австрійскіе нѣмцы не увидали отъ русскаго народа. Громаднаго впечатлѣнія, производимаго на весь міръ этой величавой сдержанностью, не могъ разрушить прискорбный погромъ германскаго посольства въ Петербургѣ. Этотъ единичный случай померкъ передъ общей картиной истинно-человѣчнаго отношенія полуторастамилліонной націи къ оставшимся въ ея средѣ безоружнымъ и беззащитнымъ представителямъ враждебныхъ народовъ. Нѣтъ, не беззащит-

нымъ: ихъ защита — высокое чувство собственнаго достоинства, проявленное въ эту годину испытанія «дикимъ» русскимъ народомъ.

Полное достоинство проявили и наши благородные союзники, французы, англичане, бельгійцы. Высокое и культурное самоуваженіе, не допускающее извращенія патріотизма въ человѣконенавистническую травлю слабыхъ и беззащитныхъ.

Не то, къ стыду «культурныхъ», «просвѣщенныхъ» и трезвыхъ германцевъ, произошло въ нѣмецкихъ городахъ. Объявленіе войны сопровождалось взрывомъ самыхъ низменныхъ чувствъ, самой гнусной жестокости, самой мелочной и въ то же время изступленной злобы. Именно на беззащитныхъ, именно на безоружныхъ обрушился «культурный патріотизмъ» германцевъ. Всюду — опьянѣвшія отъ ненависти и часто дѣйствительно пьяныя сборища, гдѣ образованные люди и рабочіе братаются съ подонками населенія. Неистовства, поруганіе человѣческаго достоинства, забвеніе всѣхъ человѣческихъ чувствъ: состраданія, милосердія, жалости. Словно люди скинули человѣческій образъ и озвѣрѣли въ безудержномъ изступленіи. Попирая все святое, попирая всякую человѣчность, германцы въ часъ испытанія, въ часъ обнаженія народной души, вычеркнули себя изъ числа истинно-культурныхъ народовъ.

Такъ началась міровая война. Борьба славянства съ германскимъ міромъ выросла въ еще болѣе великую борьбу: за культуру, за человѣчность, за правду противъ варварства, насилія и лжи, въ борьбу любви со злобой, извѣчную борьбу свѣта съ тьмой.

И мы пошли на этотъ страшный бой подъ святымъ знаменіемъ правды и добра. Не въ силѣ Богъ, а въ правдѣ!

ГОСУДАРСТВ. ПУБЛИЧНАЯ ИСТОРИЧЕСКАЯ БИБЛИОТЕКА